

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПРАГМАПОЭТИКИ

У статті обґрунтовано доцільність лінгвопрагматичного аналізу поетичного тексту за допомогою когнітивного підходу. Виділено прагматичні типи поетичних текстів на основі авторської інтенції. Встановлено її специфічні риси: обмеженість репрезентаційним рівнем, фікціональність, спрямованість на увесь текст і двоїстий характер.

Ключові слова: *інтенція, поетика, поетичний текст, прагматика.*

In this article by dint of the cognitive approach it is shown that pragmatic analysis of a poetic text is efficient. The pragmatic types of poetic texts are proposed based on the author intention. Its specific features are drawn, such as relatedness to the representational level, fictionality, directionality to the whole text and dual character.

Key words: *intention, poetics, poetic text, pragmatics.*

Одной из отличительных особенностей современной науки являются интеграционные процессы – взаимовлияние и взаимопроникновение как частных научных дисциплин, так и отраслей науки в целом. В эти процессы вовлечена и лингвистика. С одной стороны, лингвистика привлекает методологию и терминологию других наук, что привело к бурному развитию социо-, прагма-, этно-, психо-, нейролингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистической поэтики и т. п. С другой стороны, сами новые лингвистические дисциплины обогащаются методологическим инструментарием друг друга. Ярким примером этому может служить прагмалингвистика / лингвопрагматика, которая характеризуется привлечением исторического, социального, контрастивного, этнокультурного, когнитивного и дискурсивного аспектов, что ведет к расширению ее предмета и углублению методологии.

Появились исследования, пытающиеся интегрировать лингвистическую прагматику и поэтику [6; 19; 20; 23], создавая предпосылки для становления новой пограничной дисциплины – прагмапоэтики. В этой связи возникает вопрос: А можно ли использовать деятельностный подход, характерный для прагматики, в анализе художественного мира, создаваемого поэтическим словом? – Совместимы ли прагматика, в основе которой лежит слово как действие, и поэтика, основанная на анализе словесного искусства? – Прагмапоэтика – реальность или фикция?

Цель данной статьи – обосновать правомерность прагмапоэтики и целесообразность лингвопрагматического анализа художественного – в частности, поэтического – текста в русле когнитивного подхода.

Разноплановость данных дисциплин обуславливается, прежде всего, их разными задачами. Лингвопрагматика предполагает изучение языка как орудия осуществления некоторой целенаправленной деятельности (*How to do things with words?* [15]). Содержанием лингвопоэтики являются "differentia specifica словесного искусства по отношению к прочим искусствам и по отношению к прочим типам речевого поведения", отсюда – ее основной вопрос: "*Благодаря чему речевое сообщение становится произведением искусства?*" [14, с. 193] (выделено в оригинале – Л.Б.)

Иными словами, в центре внимания прагматики – использование языка в речи для производства различных действий, а в центре внимания поэтики – использование языка в поэтической речи для создания произведения искусства. Очевидно, что обе дисциплины объединены своего рода общим знаменателем, которым является язык. Более того, речь идет не о системе языка, а о языке в своем отношении к субъекту – субъекту коммуникации или

суб'єкту творчства, об використанні мови як інструмента діяльності – комунікативної або творчої.

Ще одним зв'язуючим ланкою для прагматики і поезії виступає когнітивізація їх методології. І лінгвопрагматика, і лінгвопоезія на сучасному етапі приваляють когнітивний підхід до аналізу мовної або, відповідно, творчої діяльності, що втяє за собою застосування до них атрибута "когнітивна". Когнітивна прагматика представляє собою глибокий рівень аналізу мовних дій, враховуючий ментальні процеси і структури мовлячого, лежачі в основі цих дій [12, с. 155-156]. Когнітивна поезія нацелена на реконструкцію мовосприяття митця слова на основі мовних факторів, які формують естетичне і емоційне впливання поетичного тексту [24, с. 4]. Когнітивізація прагматики і поезії збудеться на тому, що і мовне висловлювання, і мовні властивості поетичного тексту відражають ментальний світ автора. Таким чином, обі дисципліни знаходяться в межах триади "мислення – мови – мовлення".

Прагматика і поезія в руслі когнітивного підходу оперують різними поняттями когнітивної науки. Поезія приваляє до аналізу, перше за все, поняття концепта, орієнтуючись на освітлення концептуальних і предконцептуальних складових словесного поетичного образу, на відкриття механізмів концептуалізації і категоризації знань, забезпечуючих його функціонування в поетичному тексті [3, с. 183]. В прагматикі ж основним когнітивним поняттям є інтенція як "психічне стан, яке отримує форму і контури тільки з виробництвом мовного акту" [22, с. 42].

Думається, що саме поняття інтенції спроможно "прагматизувати" лінгвопоезію. Як основа мовної діяльності, інтенція формує висловлювання як на формальному, так і на змістовному рівні. Можна передположити, що вона лежить в основі і діяльності творчої, вносячи внесок в створення поетичного тексту і на формальному, і на змістовному рівні.

В когнітивній психології під інтенцією або інтенціональним станом психіки суб'єкта розуміється спрямованість його свідомості на станції справ зовнішнього світу [10, с. 96; 11, с. 10; 16; 22]. При цьому інтенції виступають інструментом співвіднесення суб'єкта з зовнішнім світом і представляють собою фундаментальне і цілісне властивість свідомості, яке не можна розкласти на більш прості елементи [10, с. 123]. Наприклад, біль або стан неспокою неінтенціональні, оскільки висловлювання про них буде всього лиш їх описом. Натомість, вираження надії, переконання або бажання передполає необхідність уточнення спрямованості цих станів: *На що хтось надіється?, В чому хтось переконаний?, Чого хтось бажає?* Дійсно, не можна надіятися, якщо не знаєш, на що надієшся, не можна бути впевненим, якщо в свідомості так або інакше не відражено те, в чому ти впевнений, не можна бажати, не знаючи, чого бажаєш. Інакше кажучи, інтенціональний стан завжди передполає якийсь об'єкт інтенції [10, с. 96].

Сущесттвенним для розуміння ролі інтенції в формуванні поетичного тексту представляється розмежування інтенції першого і другого порядку (первичної і вторичної інтенціональності, інтенціональності двох рівнів [11, с. 12]). Інтенція може проявлятися як:

- інтенція першого порядку або репрезентативна інтенція, пропозиційна установка [10] – спрямованість свідомості на певний об'єкт – концепт або пропозицію; вона первинна за походженням і безпосередньо зв'язана з особливостями функціонування нервової системи людини;
- інтенція другого порядку або комунікативна інтенція – намір мовлячого доставити до адресата свою репрезентативну інтенцію і викликати у нього певну реакцію; вона соціальна за походженням і включена в організацію спілкування між людьми [11, с. 12-17].

Репрезентационная интенция является самодостаточной, однако коммуникативная интенция не существует без репрезентационной, что находит отражение в когнитивном подходе к прагматике: анализ речевых действий, базирующийся на коммуникативной интенции, должен начинаться с анализа репрезентационной интенции, так что понятие интенции "употребляется для характеристики и наших действий, и наших мыслей" [16, с. 388].

Имея репрезентационную интенцию, т.е. определенное отношение к пропозиции, субъект может и не испытывать потребности в коммуникации. Только с появлением коммуникативной интенции, предполагающей наличие у него иллокутивной и перлокутивной целей, субъект вступает в речевую коммуникацию – совершает речевой акт, становясь *говорящим* субъектом. К примеру, сомневаясь в некотором положении дел (репрезентационная интенция), субъект может обратиться за информацией к соответствующему справочнику – это его действие не будет коммуникативным. Но если у него появляется иллокутивная цель спросить другого субъекта и перлокутивная цель побудить его к ответу (коммуникативная интенция), это значит, что субъект совершает коммуникативное действие – речевой акт вопроса.

Наличие другого субъекта – адресата – для коммуникативных интенций обязательно, они "обращены к внешнему миру – прежде всего миру людей" [11, с. 16]. Поэтому наличие у субъекта интенции второго типа отличает коммуникативное действие от некоммуникативного.

К некоммуникативным действиям можно отнести и творчество, в том числе поэтическое. Возникающий в результате творчества текст характеризуется как художественный, который считается разновидностью высказывания: "Художественный текст – это возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания" [1, с. 120]. В этом определении совмещены и цель творчества – постижение мира, и способ достижения этой цели – язык, и инструмент достижения – мысли и чувства, и условие достижения – вдохновение творца.

Тем не менее, различие между обычным (коммуникативным) и художественным высказыванием / текстом огромно. В качестве специфических черт поэтического текста по сравнению с непоэтическим приводятся:

- ведущая роль категорий эстетичности и эмотивности в поэтическом тексте, предполагающая "особое видение предмета, эффект его эстетической и эмотивной значимости" [24, с. 4, 56-61];
- фикциональность как принцип несоответствия слова и реальной действительности, возводимый в эстетическую норму и приравняемый в отечественной поэтике к художественности [5, с. 3; 19, с. 29];
- первенство языковой формы над содержанием: "в поэзии слово – цель; в прозе (художественной) слова – средство. Материал поэзии – слова, создающие образы и выражающие мысли; материал прозы (художественной) – образы и мысли, выраженные словами" [4, с. 36], а материал обычной, нехудожественной речи – информация в ее широком понимании;
- значимость любых элементов как языкового, так и речевого уровня текста: "любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых"; "любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения" [7, с. 47];
- принцип возвращения как структурный принцип поэтического произведения: если непоэтическая конструкция строится как протяженная во времени, то художественная – как протяженная в пространстве: "она требует постоянного возврата к, казалось бы, уже выполнившему информативную роль тексту, сопоставления его с дальнейшим текстом. В процессе такого сопоставления и старый текст раскрывается по-новому" [7, с. 49];

- композиційна упорядоченість поетического тексту, в отличие от непоетического, при которой единицы различных языковых уровней – фонетического, грамматического, лексического, синтаксического – оказываются вовлеченными в тесные взаимосвязи, лежащие в основе композиции произведения и создающие художественный прием в частности и художественность текста в целом [7, с. 117];
- высокая концентрация глубинных смыслов на относительно кратком отрезке текста: "внутренний закон поетического искусства: максимальная сжатость словесного пространства при беспредельной емкости жизненного содержания" [13, с. 125];
- иконичность [7, с. 116]: мысли и чувства в поэзии не просто выражаются, они изображаются, демонстрируются при помощи слов – во-первых, слова "рисуют" картинку реальности, которые наводят читателя на определенные мысли и вызывают чувства, во-вторых, слова связываются в словоформы, передающие различные мысли и чувства, на основании которых при помощи смысловых, логических и ассоциативных связей читатель выводит глубинное содержание;
- неоднозначность: "Мы готовы повторить вслед за Эмпсоном: "Игра на неоднозначности коренится в самом существе поэзии". Не только сообщение, но и его адресант и адресат становятся неоднозначными" [14, с. 26].

Все эти и многие другие характеристики поетического текста выводятся из поетической функции языка, определенной Р. О. Якобсоном как "сосредоточение внимания на сообщении ради него самого", хотя "любая попытка ограничить сферу поетической функции только поэзией или свести поэзию только к поетической функции представляет собой опасное упрощенчество" [14, с. 6].

Поетическая функция языка, играющая в поэзии главенствующую роль, основана на авто-референции (*self-reference*). Поэзия предполагает авто-референтивность, которая относительно скрыта в обычной речи, поетический текст "поворачивает высказывания с кажущейся или действительной референцией на себя как самоцель, переводя внимание с содержания высказывания на языковую природу самого высказывания", так что "выражение само становится содержанием" [20, с. 383, 389].

Именно свойство авто-референтивность позволяет квалифицировать творческую деятельность как некоммуникативную. Тем не менее, нельзя полностью отрицать ее коммуникативность. Если исходить из принципа диалогической природы языка, обоснованного В. фон Гумбольдом [17, с. 138], поетический текст коммуникативен в том смысле, что он диалогичен. Диалогичность его выражена в том, что любой текст является ответной реакцией на другие тексты и всякое понимание текста, по М. М. Бахтину, есть соотнесение его с другими текстами [2, с. 488].

Поэтому противопоставление речевой и творческой деятельности как коммуникативной и некоммуникативной является условным, что позволяет говорить о художественной коммуникации как о своего рода "семи-коммуникации" (от лат *semi* – 'наполовину'), а также о специфике коммуникативных ролей адресанта и адресата поетического текста. Адресат может быть и реальным человеком, но чаще всего это либо обобщенный, коллективный адресат (читатель, современники, все человечество), либо квазиадресат (неживой предмет, божественная сущность) [8, с. 450], или же сам автор.

Специфика адресанта – автора поетического текста, проявляется как раз в области интенции. Во-первых, это чаще всего репрезентационная интенция, не предназначенная для непосредственной коммуникации.

Во-вторых, реальная интенция может не соответствовать выраженной, что оправдывается художественным вымыслом и домыслом автора, фикциональностью текста и, опять же, подчинено поетической функции языка. Поэтому в поэтике используется термин "лирический герой" – "своего рода художественный двойник автора-поэта", который может

находиться и в "предельном совпадении с его личностью", и в "ощутимом несовпадении с нею"; это лирический образ, сознательно построенный автором и досозданный читателем [9].

В-третьих, интенция автора проявляется на уровне всего текста. По словам Ю. М. Лотмана, "любое стихотворение допускает две точки зрения. Как текст на определенном естественном языке – оно представляет собой последовательность отдельных знаков (слов), соединенных по правилам синтагматики данного уровня данного языка, как поэтический текст – оно может рассматриваться в качестве единого знака – представителя единого интегрированного значения" [7, с. 116]. Поэтому интенция автора может относиться и к отдельному высказыванию, и ко всему тексту: "то, что может быть достигнуто употреблением предложения, может достигаться также (нередко даже более эффективно) использованием последовательности предложений, текстом" [8, с. 476]. При этом интенция текста в целом не является "выносимым за скобки общим признаком некоторой последовательности" высказываний, а возникает как "интегральный признак текстовой совокупности" высказываний [8, с. 477].

Объектом текстовой интенции выступает не концепт (соотносимый со словом), не пропозиция (соотносимая с высказыванием), а текст – в данном случае, поэтический текст, т.е. последовательность высказываний, скрепленных в единое целое тем самым "специфическим (эгоцентрическим) внутренним состоянием художника" [1, с. 120] при помощи языковых средств всех уровней.

Сказанное позволяет выделить прагматические типы поэтического текста на основании типов репрезентационной интенции. В зависимости от ведущей психической составляющей репрезентационные интенции подразделяются на ассертивные (знание, незнание, сомнение, предположение, вера, уверенность), волитивные (желание, намерение) и эмотивные (эмоциональная оценка, отношение к адресату, эмоции) [18, с. 137; 21, с. 213-221].

Первое приближение к поэзии различных жанров с позиций той или иной интенции дает довольно однозначную картину. На ассертивной интенции основаны стихи-зарисовки, представленные в пейзажной лирике, стихи-воспоминания, присущие жанру любовной и психологической лирики, стихи-описания, представляющие социальную лирику, стихи-размышления и стихи-рассуждения, которые находим в философской лирике, а также стихи-повествования, характерные для баллады и для такого современного жанра поэзии, как клип. Ассертивная интенция таких текстов состоит в представлении некоторого положения дел.

Наименее представлена в поэтических текстах волитивная интенция, состоящая в выражении желания осуществления некоторого положения дел. Она лежит в основе стихов-обращений (агитка, слоган), стихов-вопросов (детских загадок), стихов-прославлений (ода, эпитафия, социальная лирика) и т.п. Последние, однако, демонстрируют совмещение волитивной и эмотивной интенции.

Эмотивная интенция – наиболее органичный тип для поэтического текста, поскольку эмотивность присуща ему ингерентно. Выделяется конвергентная и дивергентная эмотивность (как тип мышления, стилистический прием и признак стиля) [3, с. 175]. Конвергенция предполагает единение словесных образов в один, наиболее общий. Дивергенция – рассредоточенность образов в тексте – порождает диффузные (рассеянные, размытые) эмоции, которые не получают эксплицитного выражения в словесных знаках текста и формируют его неопределенный смысл, а значит, ведут к неоднозначности интерпретаций [24, с. 14].

Эмотивной интенцией характеризуются стихи-переживания, стихи-признания в рамках любовной, психологической, городской лирики. Оценочный компонент интенции содержат стихи-осуждения (эпиграмма, пародия, социальная лирика), стихи-восхищения (сонет, любовная лирика), стихи-шутки (пародия, стилизация, частушки) и т.п. Автор выражает эмоционально-оценочное отношение к положениям дел, передаваемым словами, и стремится донести до адресата это отношение, оказать на него эмоциональное воздействие.

Следует подчеркнуть, что приведенные прагматические типы поэтических текстов представляют собой не законченную классификацию, а примеры интенционального подхода к анализу поэтического текста с позиций когнитивной прагмапоэтики.

Данные типы относятся к положениям дел, представленным планом содержания текста. Однако, план выражения, играющий в поэзии главенствующую роль, диктует целесообразность выделения еще одной ипостаси интенции в поэтическом тексте. Вероятно, существует особый тип эмотивной интенции – *эстетическая*, позволяющая художнику получать наслаждение от творимого произведения. Она соотносится с авто-референцией текста: отсылая читателя к словам, автор демонстрирует свое восторженное отношение к их сочетаниям, к словесному орнаменту, создаваемому своим вдохновением, и заставляет читателя разделить это восторженное отношение – получить эстетическое удовольствие. Именно так слова помогают автору и читателю постигать мир – в этом и проявляется поэтическая функция языка.

Такой двойственный характер авторской интенции поэтического текста является ее четвертой специфической чертой, наряду с рассмотренными характеристиками – ограниченностью репрезентационным уровнем, фикциональностью и направленностью на текст как объект.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что прагмапоэтика имеет право на существование именно благодаря когнитивизации методологии. Ментальные структуры и процессы лежат в основе любого рода человеческой деятельности и способны выступить интеграционным фактором различных лингвистических дисциплин, что продемонстрировано на примере прагматики и поэтики.

Перспективным представляется углубление интенционального анализа поэтических текстов различных жанров, а также рассмотрение вопроса о статусе речевых актов в поэтической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони. – СПб.: Ин-т лингв. исследований РАН, 1994. – 153 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с.
3. Белехова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: автореф. дис. ... доктора філол. наук: 10.02.04 / Л. І. Белехова ; КНЛУ. – К., 2002. – 459 с.
4. Брюсов В. Я. Сила русского глагола / В. Я. Брюсов. – М.: Сов. Россия, 1973. – 189 с.
5. Гуторов В. А. Категория фикциональности в аспекте феноменологии и восприятия / В. А. Гуторов // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. – № 838. – 2009. – С. 3-6.
6. Заболотська О. В. Імперативні синтаксичні конструкції в англійському поетичному дискурсі: когнітивно-прагматичний аспект: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / О. В. Заболотська ; Херсонський держ. ун-т. – Херсон, 2012. – 20 с.
7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, СПбО, 1996. – 846 с.
8. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике / Почепцов Г. Г. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2009. – 556 с.
9. Роднянская И. Б. Лирический герой / И. Б. Роднянская // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 258-262.
10. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. А. Л. Никифорова // Философия, логика и язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96-127.
11. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / [под. ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой]. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.
12. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница: Нова книга, 2009. – 272 с.
13. Эткинд Е. Г. Разговор о стихах / Е. Г. Эткинд. – СПб.: ДЕГГИЗ, 2004. – 240 с.
14. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

15. Austin J. L. How to do things with words / John L. Austin. – Cambridge/Mass.: Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
16. Bratman M. E. What is Intention? / Michael E. Bratman // Intentions in Communication. – Cambridge, Mass., L.: MIT, 1990. – P. 388–400.
17. Humboldt W. v. Über den Dualis / Gelesen in der Akademie der Wissenschaften am 26. April 1827 / Wilhelm von Humboldt // ders. Schriften zur Sprachphilosophie. – Darmstadt: Fink, 1963. – S. 113–143.
18. Lapp E. Linguistik der Ironie / Edgar Lapp. – Tübingen: Narr, 1992. – 189 S.
19. Lerchner G. Literarischer Text und kommunikatives Handeln / Gotthard Lerchner. – B.: Akademie, 1987. – 87 S.
20. Merilai A. Pragmapoetics as literary philosophy / Arne Merilai // Interlitteraria. – 2007. – No. 12. – P. 379-392.
21. Polenz P. v. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / Peter von Polenz. – B., N.Y.: de Gruyter, 1988. – 389 S.
22. Schmitt H. Zur Illokutionsanalyse monologischer Texte. Ein Konzept mit Beispielen aus dem Deutschen und Englischen / Holger Schmitt. – Fr./M.: Lang, 2000. – 302 S.
23. Stierle K. Text als Handlung: Grundlegung einer systematischen Literaturwissenschaft / Karlheinz Stierle. – München: Fink, 2012. – 360 S.
24. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / Reuven Tsur. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.

УДК 811.111: 81.42 + 801. 631. 5

Лариса Белехова
(Херсон)

**АЛГОРИТМ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО
ПРОЧТЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ)**

У статті виявлено когнітивні процеси й операції, які забезпечують прототипне або непрототипне прочитання поетичного тексту. Перше визначається як центральне прочитання поетичного тексту, що розкриває його зміст та основний смисл, які стають типовими для тлумачень більшості інтерпретаторів. Непрототипне прочитання веде до різних інтерпретацій поетичного тексту: або до його інтерпретації, за якої схоплюються певні маргінальні приховані смисли, або до недо-інтерпретації, яка ігнорує деякі відтінки значення словесного поетичного образу, наявного в образному просторі поетичного тексту.

Ключові слова: поетичний текст, прототипне й непрототипне прочитання, когнітивні процеси й операції, інтерпретація, недо-інтерпретація, словесний поетичний образ, образний простір.

This article aims to elicit cognitive processes and operations which underpin prototypical and non-prototypical readings of a poetic text. Prototypical reading is the central reading of a poetic text, the one which provides an access to the content and message of the text, as seen by most interpreters. A non-prototypical reading of a poetic text results in its multiple interpretations, leading either to an interpretation, which captures some marginal hidden senses of the text, or to an under-interpretation that ignores the subtle nuances of semantics, inherent in a verbal poetic image integrated into the imagery space of a poetic text.

Key words: poetic text, prototypical and non-prototypical reading, cognitive processes and operations, interpretation, under-interpretation, verbal poetic image, imagery space.

Теоретико-методологической основой предлагаемой статьи, в фокусе которой проблематика восприятия и понимания поэтического текста, явились положения когнитивной поэтики относительно толкования поэтического текста как произведения